

В последних примерах подлинный документ дает даже более развернутый, осложненный разными отступлениями вариант повествования, чем Историческая повесть, явно сокращающая рассказ.

Далее в отписке казаки заявляют, что в той их „вине воля божия и твоя, праведного государя“, указывают на пример, когда русский посол Иван Бегичев был казнен Крымским ханом „ни за кокую измену“, напоминают свои исконные заслуги, заверяют в готовности служить „своими головами, верою и правдою“, и т. д. После этих обычных отступлений, при описании азовских церквей отписка еще раз соприкасается с Исторической повестью:

Да в нижнем, государь, городе престол божий, а церковь стоит и доныне святого славного пророка и Предтеча крестителя господня Ивана, а кола того храма жили греки и поганья азовские люди около того храма ограду разорили и церкви божи поругались, а служит, государь, у тое церкви греческой поп черной, а за тебя, праведнаго государя, бога молит, а прислон он от царегратцкого потриярха.

Да в том же граде Азове по прежней нашей православной христианской вере греческого языка престол божий, а стоит церков и доныне святого и славнаго пророка и Предтеча крестителя господня Ивана. А служить у тое церкви греческой поп черной, и тое церков божию они, поганья, многажды разоряли. Около того храма жили греки и от тех окаянных азовских людей принимали лютую скорбь и гонение и укор и поношение христианской вере (52).

Для нас нет надобности продолжать цитацию этой большой отписки, которая трактует далее о разных других делах, — жанровый характер и стиль этого документа в основных чертах уже выяснен. Литературность этого образного и повествовательного стиля войсковой канцелярии привлекла внимание автора Исторической повести об азовском взятии.

Не ставя своей целью в пределах настоящей работы специально исследовать Историческую повесть, мы привели только тот сравнительный материал, который наглядно показывает ее тесную связь с войсковой канцелярией. Сближения этой повести с казачьими документами не исчерпываются одной отпиской о взятии Азова. Характер этих сближений, как можно было уже убедиться, напоминает скорее близкие вариации, чем точное копирование документальных источников. Эти особенности говорят о том, что Историческая повесть не является просто механической переработкой указанной отписки или первой отписки о взятии Азова, но представляет собою литературный плод той своеобразной письменной культуры, которой отличалась войсковая канцелярия донских казаков.

Внутренняя переписка казачества, т. е. грамоты Войска в „верховые“ городки, которые дошли до нас, к сожалению, лишь в единичных образцах, отличаются, по сравнению с отписками к царю, как отметил А. С. Орлов, еще большим поэтическим пафосом.¹

¹ А. С. Орлов. Особая повесть об Азове, стр. 21—22.